

С утра крутился снег намокший
И таял на плечах подолгу.
А где-то по соседству Мокша
Стремилась превратиться в Волгу.

*1 декабря 1958
Михаил Красильников*

1.

В чужом (настолько ли?), как чужда Мокша Волге, стихотворении поэта «филологической школы» Михаила Красильникова «повторяемость событий» тоже выпала из папки. Видели, видели и снова уди(ви)ли.

Река времен, желательно пропустить «в» (да заходи быстрее, заждались), ввести, но речение во избежание пошлости, окружающей высокой штиль, цепкости золоченых пуговиц

или ключниц (окопы Даля непроглядны). Не лето 41-го, но реки ревут, снося щепки и ошибки: для этого ли шапку, ленту на глаза или липкую решимость (А. А., Я. Д.) — пропажа уже совершилась до: прыжки и безвоздушные мешки. Но.

*Дай бог выдержит плаванье
по-военному одет
по воде — о! дед шёл
в шелках*

Шепотом: об этом нельзя. Ведь клейкие почки превратятся в опухоли-клетки — не продонуть. Под несносным мостом — наворочено спиритической влаги, выпьем? Да. «На мостике мой стих, газ воздушный её воздушный аз, твёрд сикх...» А как же. Мост, лес, тюрьма — цепкие артикулы границы. Кривая из места не выводит, подтаскивает, а просачивается путаная тропка. В запечных лесах — лишь стон спецпоселенца (значит, человек хороший... уши кровоточат, так что? Лучше чай). «Тут тюрьма, там тюрьма, внутри и снаружи стража с оружием».

2.

В фонтанирующем изобилии окраин (у Мокши плещут же — «закута» — с гостями российских глубин — куда ни глянь бельмом — фланируем через площадницу-за-лужу), в которые не врезаются лезвия думок: радиосигналы, должно быть, доносятся со дна рек, «исходящих дугами, будто бесформенными духами ирригационных систем...» Fabric Strong: изобилие металлов превышено в 4–5 тыс. раз.

Негостеприимный рассказчик уверяет, лишь разматывая свиток (обложили грифом-чудовищем), целы ли косточки? Всем интересна смерть, как прыжки Бахтерева в текст, неподобны.

А этот-то кто такой? И другой? К чему кучеваться биографическим областям (вы братья, земляки, может, вместе спортом занимались? хм): а они приобретают заразительную липкость, обёртка да чернильный фантик типографической сластью срослись («безотчётность сосны», «чёрного сна» — «бюрозового сна» рантье, ларёк, «макаров»). Это направление. «С парадного входа».

«Ходит почти даром». А тут: перевести дух, как натужную стрелку в архив часовщика, заложить тревогу в архивную папку. Голову в шапку дубовую.

Публикатор уверяет: наследие / отрывки / отдельные. Предваряется паузой помех. А я замираю, в мир или без, первый раз пролистывая книгу в питейном заведении, потом на вокзале, измятой заменой. Шершавый глоток. Путаюсь, конечно, филология пьяна и спит в ослепляющих блестках, страшусь, блеснах. Но наживка, мой мозаичный друг! — ирис пережёванный. «Папка волшебств» — это ослеплять (не бойсь цепня озарения, но не при людях же!), не пропускать воду, шифруясь, во вторичной влажности — штрафной.

*Посмотри: вскрылись давние ранки
Гной сочтется из них
Пуп пунцово с живота выпер*

*«...Вы как танцоры, вышколены. Кто вы?»
— Я только ваш раб, божество миражей,
Куражей, виражей ли с благостным выражением*

Сандро Мокша. Фото Эдуарда Поленца. 1995–1996 гг.

Начало свитка Мокши «Папка волшебств»

*Протокольная рожа, в которую воткнут иголку
— а она не моргнёт.*

3.

Зная толк в знаменьях, пусть поруганный — у входа в шалман «Алли Тераци». Террасы, на которых возможен принудительный облик, завязывают-засывают пейзаж (заодно с пейзажниками: зеки послабляют Катю китайцами), с аллеями лесными, садовыми просеками. Олены, (в пропуск Орион) и лён лишь: «пьянь подпитывает грусть Орине». «Алел закат». Авель, заварки? — «камень в сидке старый».

*Пацан пас коз, гнал кур,
на бойню, зная то,
что не ведал даос,
зная толк в знаменьях...
но я тоже был маньяк
и в манерах превосходил
любого яка.*

Немедля шествуют стада разноголосиц, зверинцы ведут осужденную оптику. «Имене разорено», да, то не флейта-позвоночник, но переменка, пересмешка пальцев на выпеваящем зрачке — обнаруживаем ту самую, «щупную» свирель, изумительно вещую, цветодущую. Придумал, да, царственно, д-но дуло мелок метчайших, чай, непременно. Визионерв онзилась чепус? «Вещие слёзы» приносит, берегу. Заострил долото, «моцарта кости в земле кочуют, флейты звенят в тепличном стекле» (пифия-пфф, на такси, но вот вам и ода), да, а мцыри ночует на остановке, краска зацапана поверх объявлениями:

*что бы ещё такое приплести к сему семиотическому
набору, а лучше сказать перебору избитых штампами
однако кое о чём говорящих тем
особенно из породы тех, пытливо заражающих
окружающих тем,
что постоянно, не давая передышки, не оставляя
малейшего просвета в потоке знаний,
стремят идеального дух к ещё большему наполнению
...напоминая мне, что уже половина пятого
и уже не придётся поспать.
Пора собирать манатки
и идти — хочешь ты этого или нет —
на бесконечно длящийся парад манускриптов.*

Парад маршруток, подбитыми стеклами согласуясь, лента-сепия — бычий усталоглазый цепень, скручивающийся: у них всё поголовно, а голод пройдем, приём-город, потом, «за обедом аппетитно смаковать боржом, в воображении услаждая себя борщом». «Разгулялся гастрит» — смаковать землю («take a lesson from the ground» — так о весне один английский чудак), плиточки притоптаны не культурным лаптем, а...

*...А впрочем не будем судить строго,
век ведь, согласитесь, короток,
а надо многое успеть,
как:*

Далее-то одно, то друг-предмет, бытовым, приходя слов, подходом сник ходящему листу, делись стилусом:

*и на этом самом месте
режь.
Хорош.*

4.

*Был бал в аду
и в воду отрок
лабухом глядел
дятел
выбрав
удобную кору
сразу начинал по ней долбить
будто от этого зависело его
пёстрое пернатое существование*

«Тик на брови, пик любви». Лоб окрови перевёртыш. Лотом, заброшенным в небо? (Да, перестань, все рыбацкие места заняты и помечены, белила разметят или размесят графит.) Мы в рай — гуляющая по полю лю: «случка в клубе будет пулей».

*Я ж учу чувствам,
Я ж хочу быть с тобой...
Бойся безумия.
Польза от пули не более
Такой боязни.*

Но «Мокша читает свою бредятину... оставляет мусор», — сообщает поэтическая паутина Екатеринбургa: а.с.кружева и С.С. жена, в цианистой банке роли-распоряжения: хищнически одним спутать ноги, одним-одним, заплыли в шерсти волки-пауки в «ловле кайфа ловки, как и в ловле блох». Мушка, мошка?

Это, предположим, некая О.Б. начала бы пить, забыться в буйфете (закрой форточку — дует), но не «клиника» — случка для паралитиков и параклетов.

*Паркет мало-помалу скрипнул
Рэкет график по молоку поломал
Квакер какой-то там палаты
Что-то там пролаял в микрофон
Где зачем-то засел всегдашний вождь...*

Штрих дождя из эпиграфа, полузабытый, там где «физиономии мнительный мир миг затмевает взамен». И так, длящихся от порыва: раунд Эола. Но «Ура той, что в туннели спускалась Улисса!». Табель о рангах, поверяет раны — по ветру. По ветру — утрат.

*Дуют ветры в Киевской Руси,
Дают прикурить тебе, Зигги.
Скажи сгинь.*

Скинь сигарету, маяк пепла горки и — за нос волнистый постава, оскал мёда.